

Радостный день.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ РАЗСКАЗЪ. *)

I.

— Жанна! Жанна! Пора вставать. Шесть часов!

— А-а, что, Бланшъ?

Кудрявая голова зашевелилась на подушкѣ, голубые заспанные глаза широко раскрылись, выгнувъ изъ-подъ стараго одѣяла.

— А то именно, — нечего валиться!.. Вставай! Кофе готовъ!.. Тише, не разбуди маму.

Старшая дѣвочка поправила фартукъ и, не обращая болѣе внима-

нiя на сестру, снова принялась хозяйничать около маленькой керосиновой печки, на которой кипѣлъ кофейникъ.

Жанна поднялась съ кровати и начала быстро одѣваться, ежась и прыгая съ ноги на ногу, какъ одѣваются дѣти въ хмурое зимнее утро, когда въ комнатѣ холодно и неуютно. Въ нѣсколько минутъ она умылась, причесала непокорныя пряди волосъ и надѣла верхнее платье. Во все это время Жанна не спускала глазъ съ завтрака, такъ какъ она отличалась удивительнымъ аппетитомъ. И это понятно: Жаннѣ только что минуло десять лѣтъ, она была здоровымъ, крѣпкимъ ребенкомъ и силь-

*) Заимствовано съ французскаго.

но росла. Ежедневная восьмичасовая работа въ бѣлошвейной мастерской, куда онѣ съ старшей сестрой ходили шить, не успѣла еще согнать румянца съ ея щекъ и лишить ее здороваго дѣтскаго аппетита. Но сегодня Жанна была особенно голодна. Наступало Рождество, и близость этого праздника, любимаго дѣтьми, особенно сильно чувствовалась въ ихъ мастерской, гдѣ за послѣдніе дни работа значительно увеличилась. И хотя сегодня, какъ всегда, ей надо было пройти длинный путь по морозу въ мастерскую, и тамъ снова и снова потянется скучная, тяжелая работа, потомъ опять такое же утомительное возвращеніе домой, на чердакъ, гдѣ ея мать работала цѣлые дни, не разгибая спины,—но все это не тревожило ея. Сегодня въ ея маленькой головѣ бродили другія мысли. Вчера, когда надо было уходить изъ мастерской, Бланшъ объявила нѣсколькимъ маленькимъ дѣвочкамъ, работавшимъ въ одной комнатѣ съ ними, пришивая къ рубахамъ рукавчики и пуговицы, что относительно наступающаго Рождества у нея есть маленькій планъ, въ подробности котораго она пока никого не можетъ посвятить. Впрочемъ, сестренкѣ Жаннѣ Бланшъ сказала, что если на слѣдующій день она встанетъ полчасомъ раньше, то узнаетъ, въ чемъ дѣло...

— Бланшъ, скажи мнѣ теперь, что ты придумала? Вѣдь ты общалась...—приставала къ сестрѣ Жанна, просительно заглядывая въ ея глаза.

Сестры сидѣли за маленькимъ столикомъ и съ аппетитомъ пили жидкій кофе съ хлѣбомъ и масломъ.

— Подожди,—отвѣчала Бланшъ,—я хочу сперва показать тебѣ кое-что...

По радостно блестящимъ глазамъ и лукавой улыбкѣ сестры, Жанна была увѣрена, что планъ великолѣпный, и на время оставила ее въ покоѣ.

Когда кофе былъ отпитъ, и сестры надѣли старенькія пальто и поношенныя шляпки, Жанна весело побѣжала за Бланшъ по шатавшейся полутнилой лѣстницѣ.

Каждый день имъ приходилось проходить по лучшимъ улицамъ города, мимо домовъ, гдѣ въ мягкихъ кроваткахъ, подъ теплыми одѣялами, спали дѣти ихъ лѣтъ. Этихъ дѣтей никто не будилъ, имъ некуда было спѣшить, ихъ не ждала тяжелая, скучная работа. И когда, возвращаясь домой и глядя на окна, Жанна видѣла веселья, смѣющіеся лица, она часто вздыхала, невольно думая о томъ, настанетъ ли когда-нибудь такое счастливое время, когда и онѣ съ Бланшъ будутъ жить, какъ живутъ эти дѣти...

Жанна была милымъ ребенкомъ, какъ будто созданнымъ для свѣтлыхъ, радостныхъ впечатлѣній, для ласки тѣхъ, которые ее окружали. По крайней мѣрѣ, такъ всегда думала Бланшъ, глядя на тонкій, нѣжный профиль своей сестренки, на ея легкія движенія, на ея изящную, граціозную фигурку. Ахъ, если бы это зависѣло отъ нея!.. О себѣ Бланшъ мало думала, она молча работала и работала... А, между тѣмъ, она была всего лишь на четыре года старше сестры. Но ея проворные, хотя и маленькіе пальцы шутя справлялись съ иглой; ея большіе, темные глаза бросали ободрающіе взоры на утомленную товарку, сіяли нѣжностью и состраданіемъ при видѣ чужого горя и загорались негодованіемъ при видѣ несправедливости. Все это было естественно для Бланшъ, но Жанна,—хорошенькая, голубоглазая Жанна,—совсѣмъ другое дѣло! Какъ-то странно, даже обидно было видѣть ея золотистую головку склоненной надъ толстымъ кускомъ коленкора. Жалко было смотрѣть, какъ ея прелестный, маленькій ротъ дѣлалъ отчаянныя гримасы, помогая ея бесплоднымъ стараніямъ продернуть головку иглки сквозь пуговицу, какъ бессильно ея дѣтскіе пальцы боролись съ грубыми рукавчиками и воротничками, которые доброй Бланшъ такъ часто приходилось наматывать для нея, или даже снова перешивать послѣ нея. Порой не обходилось дѣло и безъ слезъ. Но этого Бланшъ уже совсѣмъ не могла выносить. Въ такихъ случаяхъ она быстро выхватывала у сестры ея работу и

отсылала ее домой подъ предлогомъ нездоровья, а сама оставалась лишніе часы и работала и за себя, и за сестру. Въ послѣднее время къ Жаннѣ чаще и чаще приходили внезапные приступы слезъ, и Бланшъ рѣшилась чѣмъ-нибудь развлечь ее и придумала устроить ей елку. Пусть ея маленькая сестренка хоть разъ въ жизни узнаетъ, что значитъ настоящій праздникъ.

— Стой, Жанна,—сказала Бланшъ, остановившись и положивъ руку на плечо сестры.—Видишь этотъ сарай возлѣ дома одинокой старушки?

II.

Въ это время онѣ подходили къ мастерской. Жанна подняла головку и посмотрѣла по направленію, указанному сестрой. Въ сѣромъ просвѣтѣ зимняго утра она увидѣла большой коричневый домъ, стоявшій почти на выѣздѣ изъ города. Этотъ домъ принадлежалъ госпожѣ Лаландъ, старушкѣ, съ которой дѣти часто встрѣчались. Она всегда одиноко проводила цѣлые дни около окна, безучастно слѣдя за движеніемъ на улицѣ. Иногда къ подъѣзду подавали щегольской экипажъ, и она уѣзжала въ городъ, но и въ этихъ выѣздахъ ее никто не сопровождалъ, кромѣ старика-лакея и кучера, сидѣвшихъ на козлахъ. Ея сохранившееся еще отъ морщинъ, красивое лицо носило отпечатокъ страданій и горя. Походка у нея была твердая, и она говорила,—дѣти слышали, какъ она давала приказанія прислугѣ,—чистымъ, яснымъ голосомъ.

Интересно знать, что бы подумала госпожа Лаландъ, богатая вдова (ея племяннику принадлежала та самая мастерская, въ которой работали сестры), если бы узнала, что двѣ бѣдныя дѣвочки, которыхъ она принимала за нищенокъ, жалѣли ее...

Въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ дома стоялъ старый заброшенный сарай, отдѣленный отъ него небольшимъ садомъ и узкой лужайкой. Онъ былъ мраченъ и пустъ.

Стекла во всѣхъ окнахъ были перебиты; испорченная дверь притворялась не плотно. Но заботливая Бланшъ нашла въ немъ именно то, что ей было нужно. Тутъ она устроитъ для Жанны и другихъ дѣвочекъ мастерской елку. Сегодня, во время отдыха, она намѣрена открыть свой планъ нѣсколькимъ подругамъ и пригласить ихъ въ гости. Все это она передала сестрѣ, которая слушала ее, затаивъ дыханіе. Она вся покраснѣла, когда, войдя въ сарай и оглядѣвъ голыя стѣны, Бланшъ быстро проговорила:

— Вотъ тутъ мы поставимъ елку. Жоржъ Динэ обѣщался доставить ее,—конечно, самую маленькую; на за то для каждой приглашенной будутъ подарки.

— Какіе подарки?—спросила Жанна.

— Найдемъ что-нибудь, ужъ ты не хлопочи! Взгляни-ка, вотъ списокъ гостей.

Бланшъ присѣла на старое бревно, лежавшее подъ однимъ изъ оконъ сарая, и вынула изъ кармана кусокъ сѣрой оберточной бумаги со спискомъ именъ гостей.

— Я тутъ записала всѣхъ изъ нашихъ, кому негдѣ праздновать,—объявила она, протягивая сестрѣ листокъ мятой бумаги.

Она оправила полы легкаго пальто на озябшихъ колѣняхъ, и продолжала съ одушевленіемъ:

— Подумай только, Жанна, какъ будетъ весело! У насъ будетъ своя елка! Мы пригласимъ мальчиковъ, товарищей Жоржа... Будемъ пѣть, танцовать вокругъ дерева... Ахъ, я и забыла!

— Что такое?—спросила Жанна.

— Вѣдь, для елки нужны свѣчи, а у насъ ихъ нѣтъ!.. Что мы будемъ дѣлать?

Она съ отчаяніемъ бросила взоръ на пустое мѣсто, гдѣ должна стоять елка, и привычная морщинка заботы легла между ея бровями...

— Можно попросить у господина Дальбоаза...—несмѣло проговорила Жанна.

— Твоя правда, сестренка... Онъ добрый и, навѣрно, не откажетъ намъ,—сказала Бланшъ, вскакивая съ мѣста.— Только, Жанна, смотри, не проболтайся въ мастерской... общаешься?

Жанна дала слово молчать.

Въ мастерской, подруги, видя ее задумчивой и разсѣянной, то и дѣло обращались къ ней съ вопросами, и нѣсколько разъ она готова была уже выболтать свою тайну.

Когда ихъ распустили для обѣда, Бланшъ съ веселымъ видомъ подошла къ сестрѣ и сказала ей, что Дальбоазъ обѣщаль дать пять свѣчей.

— Онъ спросилъ меня, чѣмъ я заплачу ему за свѣчи? Я отвѣтила, что онъ получитъ приглашеніе на елку... Какъ онъ улыбнулся!..—говорила Бланшъ съ восторгомъ...

— А какъ же подарки, Бланшъ?—спросила Жанна, и въ голосѣ ея послышалось сомнѣніе.

— Будутъ, не безпокойся... Когда придемъ домой, я тебѣ покажу...

III.

Вернувшись домой, онѣ не застали матери. Она съ утра ушла на поденную работу. Въ маленькой комнатѣ сестры были однѣ. Бланшъ воспользовалась этимъ и съ торжествующимъ видомъ выложила на столъ свои сокровища. Тутъ были лоскутки коленкора всевозможной величины, отъ довольно большихъ, изъ которыхъ, при нѣкоторомъ искусствѣ, можно было выкроить дѣтскій передникъ, до самыхъ маленькихъ, годныхъ развѣ только на заплату. Все это Бланшъ дала главный приказчикъ. Но среди всего этого вороха было кое-что и получше. Были кусочки шелковой матеріи, которые Бланшъ выпросила въ отдѣленіи галстуховъ, были коробки изъ картона отъ пуговиць и нѣсколько дюжинъ пустыхъ катушекъ.

— Для чего у тебя катушки?—спросила Жанна.

— Увидишь,—отвѣчала Бланшъ.

И, дѣйствительно, любопытство Жанны было удовлетворено въ тотъ же вечеръ, когда явился Жоржъ Динэ и вмѣстѣ съ Бланшъ усѣлся за работу.

Большія катушки они прикрѣпили въ видѣ колесъ къ картоннымъ коробкамъ и, такимъ образомъ, надѣлали кукольныхъ телѣжекъ; среднія раскрасили разными красками и нанизали на нитки,—это были цѣпи для украшенія елки,—а изъ самыхъ маленькихъ нарѣзали кружечковъ и, также раскрасивъ ихъ, приклеили на крышки коробокъ. Изъ кусковъ картона отъ пуговицъ нарѣзали куколь и кукольную мебель.

Бланшъ одѣла куколь въ коленкоровыя и шелковыя платья, Жоржъ разрисовалъ имъ лица цвѣтнымъ карандашемъ.

Стоило посмотрѣть на Бланшъ и ея друзей въ теченіе всѣхъ этихъ дней! Можно сказать—они творили изъ ничего... Коллекція подарковъ росла не по днямъ, а по часамъ, и, наконецъ, въ одну холодную звѣздную ночь, Жоржъ Динэ и Бланшъ принесли дерево въ старый сарай. Ахъ, какой это былъ тяжелый, утомительный день для Бланшъ! Ей пришлось работать не только за себя, но и за другихъ, и къ вечеру у нея разболѣлась голова. Но когда Жоржъ принесъ маленькую елку, за которой ходилъ самъ въ ближайшій лѣсъ, и Бланшъ представила себѣ, какъ будутъ радоваться дѣти празднику, она забыла и свою усталость, и головную боль, и почти не чувствовала, какъ коченѣли ея пальцы, когда она помогала своему товарищу устанавливать дерево на маленькомъ деревянномъ ящикѣ...

— Если бы намъ позволили развести здѣсь огонь,—сказала Жанна печально,—а то я не знаю, какъ мы будемъ веселиться на такомъ морозѣ...

— Подумаешь, какая нѣженка! Не бѣда, обойдемся и безъ огня... Вѣдь, у насъ на чердакѣ не многимъ теплѣе...—замѣтила Бланшъ.—Давай-ка лучше писать приглашительные билеты.

Такъ какъ въ сараѣ было совсѣмъ темно, то, съ общаго согласія, рѣшено было взять одну изъ свѣчей. Бланшъ усѣлась на бревнѣ посрединѣ, Жоржъ примостился слѣва, держа свѣчку, а Жанна, стоя за спиной сестры, глядѣла черезъ ея плечо, когда та писала приглашенія на оберточной бумагѣ...

«Жоржъ Динэ, Бланшъ и Жанна Ришаръ просятъ васъ пожаловать на елку, въ первый день Рождества, во вторникъ, къ шести часамъ вечера».

— Такъ, кажется, будетъ хорошо,—сказала Бланшъ, наклоня на бокъ голову и съ гордостью оглядывая свое произведеніе:—этой бумаги, я думаю, заглаза хватить на двадцать записокъ.

Тутъ она подняла голову и посмотрѣла впередъ, вдоль занесенной снѣгомъ лужайки,—дальше стоялъ домъ госпожи Лаландъ. Свѣта въ окнахъ не было видно, но одно окно, прямо передъ ней, было ярко освѣщено, и въ комнатѣ можно было различить разные красивые предметы. Правда, ей была видна только самая небольшая часть убранства комнаты—золоченая рама картины, пестрая спинка стариннаго дивана, уголь овальнаго стола, покрытаго тяжелою бархатною скатертью,—но и это небольшое рисовало въ соображеніи маленькой дикарки какой-то невѣдомый волшебный міръ... А, между тѣмъ, странно сказать, то чувство жалости, которое она всегда испытывала, когда смотрѣла на домъ госпожи Лаландъ, все росло и росло въ ея груди...

Жанна потянула сестру слегка за платье...

— О чемъ ты задумалась, Бланшъ?

Въ эту минуту Жоржъ всталъ, чтобы еще разъ осмотрѣть дерево, и Бланшъ, низко наклонившись къ сестрѣ, шепотомъ проговорила:

— Знаешь что, Жанна,—мнѣ хочется пригласить на нашу елку госпожу Лаландъ... Она всегда одна, и у нея, навѣрное, не будетъ елки.

IV.

Быль вечеръ, и госпожа Лаландъ, какъ всегда, сидѣла одиноко въ своемъ богато-убранномъ домѣ, стараясь какъ-нибудь убить время, которое, послѣ смерти мужа и дѣтей, умершихъ въ теченіе двухъ недѣль отъ горячки, свирѣпствовавшей въ то время въ Парижѣ, тянулось для нея страшно медленно. Они умерли пять лѣтъ тому назадъ, передъ самыми рождественскими праздниками, и дни эти стали для нея полными самыхъ тяжелыхъ воспоминаній. Она отказалась отъ общества, порвала всѣ знакомства, и, не желая слышать утѣшеній, заперлась въ своемъ домѣ. Она думала, что горе ея дастъ ей право на такое затворничество. Почти въ то же время ея двоюродная сестра, вышедшая замужъ за бѣднаго человѣка, осталась вдовою съ двумя дѣвочками и безъ всякихъ средствъ къ жизни. Она написала госпожѣ Лаландъ, прося ее о помощи, и та щедро помогла ей, съ обѣщаніемъ ежегодно выдавать извѣстную сумму до окончанія воспитанія дѣвочекъ. Все это она сдѣлала не столько изъ чувства любви,—къ своимъ родственникамъ она не питала никакой нѣжности,—сколько изъ чувства долга. Сердце ея въ этомъ не участвовало. Маленькія Вилье чувствовали, что тетка Клотильда равнодушна къ нимъ, и отлично понимали, почему имъ такъ тяжело принимать подарки, которые аккуратно присылались имъ къ каждому Рождеству и Пасхѣ. И онѣ не ошибались. Госпожа Лаландъ, дѣйствительно, была равнодушна къ этимъ дѣтямъ, да и вообще ко всему, такъ какъ съ того дня, какъ она лишилась собственныхъ дѣтей—черноглазаго, веселаго Люсьена и хорошенькой, кудрявой Луизы,—жизнь потеряла для нея всякій интересъ.

Такъ проходили годы, и она все больше и больше уходила въ себя и удалялась отъ людей.

Огонь весело горѣлъ въ каминѣ, освѣщая теплымъ свѣтомъ красивую мебель, цвѣты, картины и сумрачное

лицо хозяйки, одѣтой въ дорогое платье. Наступало шестое Рождество съ того дня, какъ ее постигло горе, и она съ нетерпѣніемъ ждала, когда пройдутъ праздники. Она боялась этого, для всѣхъ радостнаго, времени и напрягала всѣ силы, чтобы перенести его спокойно. Въ этотъ день съ утра шелъ снѣгъ, покрывшій къ вечеру землю пыльнымъ бѣлымъ покровомъ. Но вотъ небо прояснилось, и въ темно-синей лазури его мерцали яркія звѣзды. Госпожѣ Лаландѣ надоѣло сидѣть. Она встала и, подойдя къ окну, остановилась около него. Слабый, дрожащій свѣтъ свѣчи въ старомъ сараѣ и силуэты трехъ дѣтскихъ головокъ привлекли ея вниманіе. Она хотѣла было позвонить, но въ эту минуту въ комнату съ зажженной лампой вошелъ старый слуга Баптистъ.

— Что тамъ такое, Баптистъ?—спросила она разсѣянно.

— А это, сударыня, ребятишки затѣяли елку въ нашемъ сараѣ... Уморительный народъ!

И старый слуга сдержанно, почтительно засмѣялся. Госпожа Лаландѣ съ удивленіемъ повернула къ нему голову.

— Дѣти? Чьи дѣти?—спросила она.

Въ передней раздался звонокъ, и ея вопросъ остался безъ отвѣта. Отойдя отъ окна, она съ нетерпѣніемъ стала ждать возвращенія слуги. Но онъ долго не являлся и, когда, наконецъ, показался въ дверяхъ, лицо его выражало недоумѣніе, глаза смѣялись.

— Въ чемъ дѣло, Баптистъ? Кто это звонилъ?—спросила госпожа Лаландѣ.

Старикъ протянулъ ей кусокъ отсырѣвшей сѣрой бумаги, и по лицу его расплылась широкая улыбка...

— Такіе, право, затѣйники эти ребята, сударыня! Сейчасъ сюда приходилъ одинъ съ запиской къ вамъ... Они зовутъ васъ на елку... Не угодно ли поглядѣть?

Но госпожа Лаландѣ уже не слушала его. Баптистъ отправился на кухню подѣлиться впечатлѣніями со своей женой, а госпожа его, подойдя къ столу, углубилась въ

чтеніе страннаго посланія отъ неизвѣстныхъ дѣтей. Она читала и перечитывала записку съ какимъ-то новымъ чувствомъ, которое не позволило ей разсмѣяться надъ этой смѣшной ребяческой затѣей.

«Мы устраиваемъ елку въ вашемъ сараѣ, сударыня, — стояло въ запискѣ, — пожалуйста, приходите къ намъ во вторникъ, въ семь часовъ вечера. Мы всѣ просимъ васъ».

Госпожа Лаландъ нѣсколько минутъ стояла неподвижно. Простыя, безхитростныя слова записки задѣли самыя глубокія струны ея сердца, пробудили дремавшую до сихъ поръ любовь и нѣжность... Она нервно позвонила и послала за женой Баптиста, своей старой экономкой.

— Вероника, — обратилась она къ ней, когда та пришла, — принесите мою шубу, мѣховыя сапоги и теплый платокъ; я иду со двора.

Вероника съ удивленіемъ смотрѣла на госпожу, помогая ей одѣваться; но удивленіе ея возросло еще болѣе, когда госпожа Лаландъ сказала:

— Пусть Баптистъ возьметъ фонарь и проводитъ меня; я иду въ старый сарай... Вероника, знаете ли вы что-нибудь объ этихъ дѣтяхъ?

— Какъ же, сударыня... Это дѣвочки изъ бѣлошвейной мастерской вашего племянника... — отвѣчала Вероника съ улыбкой. — Онѣ затѣяли устроить въ вашемъ сараѣ елку и вотъ уже нѣсколько дней, какъ копошатся тамъ... Такія уморительныя, если бы вы знали!.. Непремѣнно хотятъ, чтобы каждый изъ приглашенныхъ получилъ подарокъ... Ужь я столько смѣялась съ Баптистомъ...

По мѣрѣ того, какъ говорила Вероника, лицо госпожи Лаландъ прояснялось болѣе и болѣе. Она не могла дождаться Баптиста съ фонаремъ... Наконецъ онъ явился, и черезъ нѣсколько минутъ старый сарай былъ освѣщенъ, и госпожа Лаландъ разсматривала работу дѣтей съ странной смѣсью любопытства и угрызений совѣсти... Она переходила отъ игрушки къ игрушкѣ, поочередно брала въ

руки куколь, телѣжки, мебель, и когда всѣ вещи были осмотрѣны, съ глубокимъ вздохомъ прошептала:

— Бѣдныя дѣти!

Потомъ, обращаясь къ старому слугѣ, добавила:

— Довольно, Баптистъ, пойдите домой...

Впослѣдствіи Баптистъ рассказывалъ, что по голосу своей госпожи онъ тогда же догадался, что она что-то затѣяла. И, дѣйствительно, пока они возвращались обратно, и трепетный свѣтъ фонаря широкими полосами ложился передъ нею на занесенную снѣгомъ лужайку и дрожалъ на оголенныхъ деревьяхъ сада, ея умъ усиленно работалъ.

Прежде всего, она рѣшила пригласить на всѣ праздники своихъ племянницъ. Она давно ихъ не видѣла, и онѣ почти не знали своей тетки. Раздѣваясь въ кабинетѣ, передъ ярко пылавшимъ каминомъ, она чувствовала себя какъ-то необыкновенно легко и радостно... Около дверей, въ почтительной позѣ, стоялъ Баптистъ, ожидая приказаній, такъ какъ госпожа не велѣла ему никуда уходить.

— Баптистъ, — сказала она, — завтра утромъ вы отправитесь въ Ворикуръ за моими племянницами. На вокзалъ, къ вашему пріѣзду, будетъ высланъ экипажъ. Моей сестрѣ вы передадите письмо, которое получите отъ меня завтра. Я давно не видала ея дѣвочекъ, да и онѣ, вѣроятно, совсѣмъ забыли, что у нихъ есть тетка... Можете идти!

V.

Маленькія Вилье были въ восторгѣ отъ приглашенія. Правда, онѣ не безъ страха думали о томъ, какъ проведутъ цѣлыхъ двѣ недѣли съ теткой Клотильдой, которая всегда была холодна къ нимъ. Но перспектива поѣздки по желѣзной дорогѣ въ свѣтлый зимній день, вкуснаго ужина, ожидавшаго ихъ въ концѣ путешествія, интересныхъ рассказовъ старой Вероники, которая всегда была ихъ вѣрнымъ другомъ, — заставляла ихъ забывать обо всѣхъ страхахъ...

Когда коляска съ дѣтьми катилась по улицѣ, смежной съ той, на которой жила госпожа Лаландъ, Жанна и Бланшъ,

въ сопровожденіи матери, шли по этой же улицѣ, направляясь въ знакомый магазинъ, чтобы сдѣлать праздничныя закупки. Разумѣется, закупки предполагалось сдѣлать самыя скромныя. На домашнемъ совѣтѣ было рѣшено купить свѣжаго мяса и яблочный пирогъ, къ несказанному удовольствію Жанны. Правда, проходя мимо фруктовой лавки, онѣ съ жадностью посматривали на банки съ засахаренными фруктами, но тутъ же утѣшались мыслью, что яблочный пирогъ, въ сущности, вещь тоже недурная. Бланшъ, которую все время не покидала мысль объ елкѣ, съ безпокойствомъ рассчитывала, хватитъ ли угощенія на всѣхъ гостей. По ея просьбѣ, мать обѣщала испечь два десятка пирожковъ, а Жоржъ Динэ долженъ былъ принести двадцать палочекъ леденца.

— А, вѣдь, это коляска госпожи Лаландъ,—сказала Бланшъ, когда экипажъ съ маленькими Вилье поровнялся съ ними, и четыре пары быстрыхъ глазъ обмѣнялись мимолетнымъ взглядомъ.

— Неужели у нея тоже будетъ елка?! — воскликнула Жанна съ неподдѣльнымъ отчаяніемъ.

Старшей сестрѣ было очень досадно, что приглашеніе ихъ оказывалось теперь ненужнымъ, но, вѣрная себѣ, она весело сказала:

— Ну, такъ что жъ, пусть себѣ веселятся, намъ они не помѣшаютъ...

— Не знаю, что выйдетъ изъ нашей елки... мы замерзнемъ въ этомъ сараѣ... — сказала Жанна, на которую видъ веселыхъ дѣтей, подѣзжавшихъ къ красивому, ярко освѣщенному дому, произвелъ удручающее впечатлѣніе.

Бланшъ прибавила шагу и всю дорогу смѣшила сестренку, стараясь отвлечь ея мысли отъ непріятнаго сравненія. Но когда онѣ пришли на свой чердакъ и легли на холодныя кровати, подъ холодныя одѣяла, Бланшъ вынуждена была сознаться себѣ, что на дворѣ становится невыносимо холодно, и съ трудомъ удержалась отъ слезъ при мысли о томъ, что, пожалуй, елка ихъ и въ самомъ дѣлѣ разстроится, потому

что какая жъ это елка — зимой — и чуть не подь открытымъ небомъ?

Госпожа Лаландъ рассказала своимъ племянницамъ о странномъ приглашеніи, полученномъ ею отъ неизвѣстныхъ дѣтей.

— Вы не повѣрите, какъ они меня обрадовали, — говорила она послѣ ужина, когда они усѣлись въ ея кабинетъ, вокругъ пылающаго камина. — А теперь, дѣвочки, я хочу сообщить вамъ свой планъ. Я намѣрена, какъ слѣдуетъ, отблагодарить этихъ бѣдныхъ дѣтей за такое вниманіе. Не знаю, извѣстно ли вамъ, что верхняя комната, которая всѣ эти шесть лѣтъ была заперта, дѣтская моихъ умершихъ дѣтей? Въ ней сложены игрушки Люсьена и Луизы. Выберите самыя лучшія изъ нихъ, снесите ихъ потихоньку въ сарай и украсьте ими елку. Согласны?

Дѣти были въ восторгѣ отъ этого предложенія. Въ свои рѣдкія посѣщенія дома тетки, они всегда проходили мимо запертой двери дѣтской, сгорая любопытствомъ узнать, что бы такое было въ этой комнатѣ. Они хорошо помнили, что Люсьень и Луиза умерли передъ самымъ Рождествомъ, когда всѣ приготовленія къ елкѣ были окончены.

Госпожа Лаландъ позвала Баптиста, отдала ему ключи и приказала проводить дѣтей наверхъ, сама осталась у камина. Быть можетъ, старый Баптистъ и его жена Вероника лучше всѣхъ понимали все значеніе этой минуты. Какъ всѣ старые слуги, они очень любили и жалѣли свою горюющую госпожу. И всѣ эти годы они напрасно ждали, когда она, наконецъ, забудетъ свое горе... И вотъ теперь эта радостная минута наступила.

VI.

— Мама, мы идемъ еще разъ взглянуть на елку, — сказала Бланшъ рано утромъ въ первый день Рождества. — Когда ты вернешься домой?

— Сегодня я буду занята въ гостинницѣ до поздняго

вечера, — отвѣчала мать. — Впрочемъ, я могу отпроситься къ семи часамъ. Тогда я прибѣгу взглянуть на васъ, потомъ возвращусь опять назадъ.

— Пожалуйста, мама, приходи, — упрашивала Бланшъ. — Право, стоитъ посмотрѣть на нашу елку. Воображаю, какъ будутъ радоваться дѣти! Я думаю, Клара Дюлокъ всю ночь не могла уснуть, думая объ елкѣ... Да и тебѣ самой пріятно будетъ взглянуть на насъ.

Мать дала слово, что придетъ. Конечно, ей очень хотѣлось посмотрѣть, какъ веселятся ея дѣти. Но когда она вышла на улицу на морозъ, двойное путешествіе изъ гостинницы и обратно представлялось ей далеко не пріятнымъ.

— Ну, Жанна, идемъ, — сказала Бланшъ сестрѣ, — взглянемъ еще разъ на елку...

Онѣ подошли къ сараю. Снаружи все было попрежнему; но когда онѣ отворили дверь и вошли, Бланшъ отъ изумленія и неожиданности чуть не лишилась чувствъ...

— Господи, что это такое? Что случилось?

Она ничего не понимала. Дерево было на прежнемъ мѣстѣ, — то же самое маленькое деревцо, которое принести ей и Жоржу стоило столькихъ усилій, теперь даже въ сѣромъ свѣтѣ ранняго утра сіяло блестящими украшеніями, серебряными и золотыми цѣпями, цвѣтными свѣчами и лентами, звѣздами и полумѣсяцами. Но это еще не все: внизу, вокругъ елки, въ красивомъ порядкѣ, была разложена цѣлая лавка игрушекъ, одна другой лучше. Тутъ была и французская кукла съ настоящими волосами, которая открывала и закрывала глаза, и большая лошадь, дѣтскія санки, коньки и большой кукольный домъ. Жанна не хотѣла вѣрить, что все это она видитъ наяву, и начала плакать. Бланшъ говорила потомъ, что она очень этому обрадовалась, такъ какъ слезы сестры привели ее въ себя.

— Жанна, не дури! — крикнула она въ дикомъ восторгѣ: — О чемъ ты плачешь? Конечно, кто-нибудь сдѣлалъ

это... Не само же все сдѣлалось... Только неужели это все для насъ?

Да, все было приготовлено для нихъ. Скоро въ этомъ не оставалось никакого сомнѣнія. Съ задняго крыльца дома къ нимъ шелъ старикъ,—это былъ Баптистъ. Онъ несъ небольшую желѣзную печку, слѣдомъ за нимъ шли двѣ дѣвочки. Роза и Алиса Вилье сговорились незамѣтно посмотреть, какое впечатлѣніе произведетъ елка на нашихъ знакомыхъ въ новомъ видѣ. Поэтому онѣ встали чуть свѣтъ и подняли старика Баптиста, а теперь явились познакомиться съ сестрами.

Дѣти знакомятся скоро. Черезъ десять минутъ четыре дѣвочки весело болтали между собою. Бланшъ со всѣми подробностями рассказала исторію своей елки; Вилье, въ свою очередь, сообщили о томъ, какъ обрадовалась ихъ тетка неожиданному приглашенію. Между тѣмъ, Вероника приготовила завтракъ и позвала дѣтей въ столовую. Но удовольствія этимъ не кончились. Вечеромъ госпожа Лаландъ приказала запрячь экипажъ, и дѣвочки отправились собирать всѣхъ приглашенныхъ. Сперва привезли старуху мать и Жоржа Динэ, принимавшаго такое дѣятельное участіе въ устройствѣ елки, потомъ послали за остальными...

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но ни Бланшъ, ни Жанна до сихъ поръ не забыли и, навѣрное, никогда не забудутъ этого счастливаго дня. Да и трудно было бы забыть, такъ какъ онъ имъ принесъ истинную радость и счастье... Госпожа Лаландъ отъ души привязалась къ обѣимъ дѣвочкамъ, въ особенности къ старшей Бланшъ, ставшей ея любимицей. Она взяла ихъ изъ мастерской и отдала въ школу, а мать ихъ получила болѣе легкую и выгодную работу. Но большее счастье и большую радость этотъ день принесъ самой госпожѣ Лаландъ. Съ тѣхъ поръ вся жизнь ея была наполнена заботами о бѣдныхъ дѣтяхъ, и ее всегда можно было видѣть, окруженной счастливыми дѣтскими лицами...